

Оплавление

Благодарности.....	6
Предисловие автора.....	9
Пролог	13
Часть первая. Мечты забытого города.....	25
Часть вторая. Худшая страна в мире.....	82
Часть третья. «Севкорреализм»	129
Часть четвертая. Мы и они.....	172
Часть пятая. Музей зверств	207
Часть шестая. День Победы.....	241
Часть седьмая. Выставки дружбы	283
Часть восьмая. Ширма	313
Часть девятая. Примирение	382
Эпилог	409

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Худшая страна в мире

Седьмая глава

На следующее утро, пока официантка расставляла перед нами с Алеком и Александром чашки с растворимым кофе в огромном пустом зале ресторана, к нам присоединился Саймон. Во время завтрака он, к удивлению, оставался очень тихим, хотя было очевидно, что он внимательно и с большим интересом прислушивался ко всему, о чем мы говорили, как будто всё еще пытаюсь понять, что мы из себя представляем. В тусклом свете утреннего отрезвления мне показалось, что Саймон не слишком силен в знании иностранных языков. Но его молчание всё равно заставляло задуматься о том, насколько же боллив он был накануне вечером. Возможно, он отмалчивался, потому как боялся, что и так наболтал много лишнего. В самом деле, в последующие недели мы сталкивались с ним еще несколько раз, и в гостинице, и в городе, но он никогда более не предпринимал новых попыток заговорить с нами. Более того, он прилагал видимые усилия, чтобы держать некоторую дистанцию.

Когда вы приезжаете в Северную Корею, то сталкиваетесь со странной традицией или даже правилом: ваши гиды никогда не завтракают с вами. Может быть, это происходит потому, что в пустых гостиницах Пхеньяна так

много ресторанов, что приходится постоянно придумывать, как их использовать. Или же это делается для того, чтобы ограничить корейцам доступ к шведским столам с их богатым выбором блюд китайской, корейской и западной кухонь. Так или иначе, позавтракав в ресторане на втором этаже, мы спустились по лестнице и встретили Мин и Ро в фойе.

Мин всё еще была в замешательстве относительно нашей экскурсионной программы. Мы решительно не хотели следовать предложенной программе, потому что в нее включили всю стандартную туристическую ерунду — это мы уже проходили. Соглашусь, для человека, который только начинает знакомиться со страной, такая программа представляла бы интерес, но для нас она была скучной, так как мы всё это уже видели. Во всех музеях и исторических местах, которые обычно посещают туристы, проводят экскурсии, обязательно включающие одинаковые верноподданнические восхваления Ким Ир Сена и/или Ким Чен Ира и комментарии о том, какую роль эти места играли в их жизни.

Сегодня у нас по программе Монумент идей чучхе, который каждый из нас посещал уже по два или даже три раза. Вчера Мин явно была растеряна и даже немного испугалась, когда на пути в гостиницу Алек сказал ей, что нам хотелось бы внести некоторые изменения в программу. Дело в том, что каждый объект имеет собственного специального гида, с которым необходимо заранее договариваться о посещении, а в некоторых случаях нужно еще получить специальное разрешение. Спонтанность практически невозможна в КНДР.

Пока Мин никак не могла придумать, что же делать, Александр предложил отправиться на холм Мансудэ, чтобы возложить цветы к Великому Монументу — статуям вождей. Услышав это, Мин воспрянула духом и явно обрадовалась: «Да-да, давайте поедем туда. А затем по-

чему бы нам не посетить новый аквапарк? Вы сможете немного развлечься перед началом занятий. Вы взяли с собой плавки?»

* * *

Чтобы хоть немного понимать Северную Корею — ее прошлое, настоящее и будущее, — просто необходимо достаточно много знать о деде Ким Чен Ына — Ким Ир Сене. Но для этого надо продаться сквозь абсурдно благоговейную санкционированную государством агиографию, которая основана на просто-таки диких преувеличениях, а то и на вопиющей лжи и сфабрикованных выдумках. Вдобавок к этому существуют нелепые слухи и домыслы, которые годами создавались за границей в различных СМИ и правительственных агентствах. Реальность этих слухов, которые подавались как громкие сенсации или репортажи о событиях, никто не стремился ни подтвердить, ни опровергнуть, потому что «худшая страна в мире» просто не заслуживает обладать достоинством Правды.

Хотя северокорейская ультранационалистическая идеология кажется сегодня шокирующей и просто непостижимой, ее корни лежат в уникальной обстановке, в которой страна оказалась в постколониальный период. Уинстон Черчилль, Чан Кай Ши и Франклин Рузвельт на конференции в Каире 1943 года договорились, что после окончания войны Япония будет лишена всех колоний, включая Корею, которые она завоевала с помощью грубой силы.¹ Вместе с этим ближе к концу Второй мировой войны Советский Союз обещал внести свой вклад в разгром Японии сразу же после победы над нацистской Германией.

¹ Необходимо отметить, что в этой части своего повествования при изложении послевоенной истории Кореи автор описывает происходившее с позиций, принятых в американской историографии. В отечественном корееведении по вопросу разделения Корейского полуострова главенствует иная точка зрения. — *Примеч. ред.*

Выполняя обещание, Советы продвинулись вглубь Кореи так быстро и так далеко, что американское правительство всерьез забеспокоилось, что они могут взять под контроль весь полуостров. В условиях быстрого развития событий двум молодым офицерам — Дину Раску и Чарльзу Бонестиу, которые никогда до этого не только не бывали в Корее, но и особо ничего не знали о ней, — 8 августа 1945 года в руки попала карта Корейского полуострова из статьи в «National Geographic». За полчаса они разделили полуостров. Офицеры оставили свои пометки на 38-й параллели, которая делила корейскую территорию практически идеально пополам. Выгода от этого была в том, что Сеул оказывался в предполагаемой зоне американской оккупации — на юге полуострова. К удивлению американцев, Советы немедленно приняли это предложение, вероятнее всего, из-за практически такого же уровня «понимания» Кореи. Вот так была решена судьба Кореи — она была поделена между двумя противостоящими мировыми сверхдержавами, которые мало что знали о стране.

Если японская оккупация была тем фактором, который породил жгучее желание независимости и привел к образованию Корейской Народно-Демократической Республики, то — согласно официальной мифологии — товарищ Ким Ир Сен возглавил вооруженную партизанскую борьбу, которая и привела к тому, что оккупанты были изгнаны из корейской земли, а страна возвращена народу. Конечно, это не вполне так. Неверна и примитивная точка зрения, согласно которой Кима на роль лидера Северной Кореи назначил Сталин. На самом деле ирония заключается в том, что к моменту разделения полуострова на севере Кореи коммунистов не было вообще. Столицей неокрепшего молодого коммунистического движения, которое было разгромлено японцами, являлся Сеул, а почти все корейские коммунисты к моменту освобождения Кореи от колониального господства на-

ходились либо в Маньчжурии, либо в Советском Союзе. И в действительности Ким Ир Сен был одним из многих корейцев, направленных Советским Союзом на север Кореи. Поначалу ему прочили сравнительно скромную роль министра обороны. Подробности его последующего возвышения остаются в тумане закулисных маневров, характерных для эпохи холодной войны. Ясно одно: своим головокружительно быстрым и точно неслучайным карьерным ростом до самой вершины корейской иерархии в течение всего одного месяца с момента своего прибытия из СССР в Вонсан Ким обязан советским военным властям и советникам на местах в Пхеньяне, потому что именно они правили бал как минимум до 1949 года. Скорее всего, тогда сам Ким Ир Сен не ожидал такого возвышения и не стремился к нему.

* * *

Поездка на холм Мансудэ привела нас в самый центр Пхеньяна. Путь туда лежал через кварталы новых роскошных жилых многоэтажек, одна из которых была, по-видимому, точной копией нью-йоркской Трамп-плазы; живущие тут экспаты язвительно называют эти кварталы «Дубай». После того как мы свернули с главной широкой магистрали, наш маршрут пролегал мимо brutального внушительного здания Дворца Съездов Мансудэ, в котором раз в год собирается парламент, чтобы единогласно поддержать решения руководства. Иностранцы прибывают на парковку, которая находится недалеко от здания и на которой есть небольшой цветочный киоск. Мы купили букеты и стали подниматься по узкому тротуару в сопровождении доносящейся из невидимых динамиков патриотической музыки, придав своим лицам угрюмое выражение, чтобы соответствовать скорбному ритуалу, в котором миллионы корейцев участвуют каждый год. Раскинувшийся вокруг парк содержится в безукоризнен-

ном состоянии трудом граждан-«добровольцев», которые стригут газоны ножницами. На пути к статуям сегодня мы не встречаем никого, кроме одинокого юноши, который подметает ступени метлой из прутьев.

Холм Мансудэ, несомненно, является центром Пхеньяна — географическим, политическим и духовным. В 1972 году в честь шестидесятилетия своего отца — в соответствии с наиболее важной конфуцианской категорией сыновней почтительности — Ким Чен Ир воздвиг на самой вершине холма двадцатидвухметровую бронзовую статую Великого Вождя, которая смотрит на город. Еще через пять лет монумент покрыли позолотой, которую вскоре удалили, вернув статуе изначальный облик. Это произошло после того, как в стране с государственным визитом побывал Дэн Сяопин, который, увидев золотое изваяние, поинтересовался, на что идут деньги, выделенные в рамках китайской помощи. С тех пор как открыли мемориал, для корейцев стало традицией отдавать дань уважения, возлагая цветы к подножию статуи и совершая церемониальный поклон.

За неделю до моего первого приезда в Северную Корею в 2012 году Ким Чен Ын присутствовал на церемонии открытия нового монумента на вершине холма Мансудэ, где слегка измененная фигура его деда стояла уже в компании другой статуи — недавно ушедшего Ким Чен Ира. Первоначально памятник Ким Ир Сену изображал молодого вождя, одетого в расстегнутую военную шинель, под которой виднелся френч в стиле Мао, бывший поначалу некоей формой повседневной одежды Ким Ир Сена. Рука вождя вздымалась ввысь, указывая на небо и звезды, решительное выражение лица символизировало негибкую твердость и приверженность своему делу. В новой версии френч уступил место традиционному строгому костюму с галстуком, который Ким Ир Сен стал носить позднее, вместо сурового революционного взгляда

появилась уверенная теплая улыбка мирового лидера, а очки завершали образ доброго дедушки — Вечного Президента. Его сын, любимый руководитель Ким Чен Ир, стоит рядом, и у него такая же теплая улыбка, которая делает черты его лица живыми. Эту улыбку, надо сказать, невозможно увидеть на кадрах официальной хроники. Он вглядывается куда-то за горизонт, в будущее своей страны, которой он и его отец правили на протяжении более чем полувека. Обе статуи выглядят пародией на монументальное искусство, китчем, отталкивающим своими мультяшными формами, жутким размером и аляповатым псевдоблеском.

Конечно нужно быть глупцом, чтобы рассмеяться здесь. Ведь это место — святая святых Северной Кореи. Вас обязательно должны предупредить, и лучше заранее, что фотографировать монумент нужно таким образом, чтобы в кадре вожди были во весь рост, с головы до ног. Фотографировать какие-либо детали памятников крупным планом строго запрещено. Ваши гиды будут неоднократно повторять эти инструкции, заглядывая вам через плечо в тот самый момент, когда вы поднимете фотоаппарат. Фоном для фигур вождей служит одна из самых знаменитых северокорейских мозаик, изображающая в бежевых, белых и сероватых тонах озеро Чончхи, расположенное в кратере вулкана Пэктусан, который в обеих Кореях считается священным. Мозаичное панно длиной примерно в 70 метров выложено на стене Музея Корейской Революции. Экспонаты этого музея рассказывают об истории страны с момента ее основания до сегодняшних дней.

«Трэвис, пожалуйста, снимите солнечные очки», — просит Мин.

Вот черт! Я уже допустил оплошность, а это всего лишь второй день. Солнечные очки — конечно! Я быстро срываю их с головы и опускаю руки по швам, смотрю не моргая вперед, на две устрашающие фигуры.

Почему Ким Ир Сен? Что такого особенного увидели в нем Советы?

Документы советских архивов говорят о том, что у руководства СССР были очень скромные планы относительно Северной Кореи после окончания Второй мировой войны. Если вообще были какие-то планы. Они появились задним числом и носили импровизационный характер. Вполне вероятно, что Советы на каком-то этапе были готовы позволить американцам полностью контролировать полуостров — настолько неоформившимся был их интерес, хотя Корея имела сухопутную границу с Россией — чего достаточно для того, чтобы не дать Америке доминировать на этом пространстве. Аналогичным образом можно объяснить, почему сегодняшний Китай не заинтересован в объединении Корейского полуострова при доминировании Южной Кореи в этом процессе: никто не желает видеть американские войска у своих границ.

В таких неопределенных обстоятельствах, когда не существует особого интереса со стороны других стран, события могут развиваться совершенно неожиданно. Ким достаточно быстро привлек к себе внимание пхеньянских советников из СССР. Если бы он объявился в Пхеньяне на несколько недель позже, весьма вероятно, что его имя кануло бы в Лету. Очевидно, что его стали рассматривать как удачного посредника между Москвой и местным населением. В конце концов, он провел последние два десятилетия в изгнании в Советском Союзе, сносно говорил по-русски — хотя с его восьмиклассным образованием никто не мог бы воспринимать Кима как серьезного интеллектуала. Большое число советских сослуживцев считало, что его познания в области учения Маркса и Ленина ничтожно малы. Но в то время в странах советского блока великие мыслители были не особенно нужны. Самым ценным качеством была способность к повиновению

и послушанию. А Ким благоразумно держал дистанцию с кучкой профессиональных пламенных революционеров и аппаратчиков, которых Сталин презирал, — это, несомненно, увеличивало ценность Кима в глазах Генералиссимуса. К тому же Ким родился в Пхеньяне, ставшем новой столицей, и получил известность среди корейцев за свои партизанские подвиги в борьбе с японцами — подвиги, которые скоро будут настолько преувеличены и даже искажены официальной государственной пропагандой, что те, кто в действительности хорошо знал, чем занимался Ким до своего возвращения в Корею жарким августовским днем 1945 года, просто не будут понимать, о чем идет речь. Было решено, что Ким станет идеальной для Советов марионеткой.

Ким Ир Сен родился в деревне Мангёндэ, которая сейчас является частью Пхеньяна и входит в одноименный район. День рождения Ким Ир Сена — 15 апреля 1912 года — совпадает с днем крушения «Титаника». Возможно, поэтому «Титаник» позже стал одним из любимых фильмов его сына. (Ремейк этого фильма, снятый по распоряжению Ким Чен Ира, с треском провалился — или, если вам больше нравится, потонул — на международных фестивалях.) При рождении будущему вождю было дано имя Ким Сончжу, под которым он будет известен какое-то время, до тех пор пока не изменит его в 1930-х годах. Согласно официальной мифологии Ким Ир Сен родился в бедной, угнетенной крестьянской семье, хотя на самом деле его семья была пусть и небогатой, но все-таки более или менее зажиточной по меркам тех дней. Отец — школьный учитель, глубоко вовлеченный в дела пресвитерианской церкви. Как и многие другие семьи, Кимы ненавидели японскую оккупацию своей страны и в конце концов перебрались в Маньчжурию — главный очаг антияпонского движения, где нашли прибежище два миллиона корейцев.

Когда в 1932 году Япония начала в регионе военную кампанию для расширения колониальных владений, сопротивление стало более яростным. Среди тех, кто выступил против оккупантов, был и двадцатилетний Ким, организовавший свой первый партизанский отряд. Несмотря на происхождение из среднего класса, которое скорее благоприятствовало тому, чтобы стать конторским служащим или простым торговцем, Ким, возмущенный несправедливостью и вдохновленный революционной страстью, впервые заявил о себе, когда в большом сражении его отряду, состоявшему по большей части из всякого сброда и головорезов, удалось спасти жизнь китайскому командиру Ши Чжунхэну. С этого момента Ким стал доверенным лицом видных китайских офицеров, принимавших участие в боевых действиях в регионе.

Восстание скоро было подавлено, появилось марионеточное прояпонское государство Маньчжоу-го, но сопротивление японским колонизаторам, возглавленное Коммунистической партией Китая, в которой, несмотря на ее название, состояли в основном корейцы (такие, как Ким и члены его отряда), продолжилось. К 1936 году кучка партизан превратилась в огромную китайско-корейскую армию, в которой Ким командовал третьей дивизией. Большую часть второй половины 1930-х годов он провел в постоянных сражениях.

Не являясь, конечно же, единственной противостоящей японцам силой (как это сейчас описывается официальной северокорейской пропагандой), отряд Кима был одной из многих боевых единиц, совершавших с переменным успехом беспорядочные нападения на японцев. Но — даже без учета последующих преувеличений его заслуг — борьба Кима была смелой и героической, а руководство отрядом было достаточно эффективным, чтобы заставить японцев назначить награду за его голову. Однако после сокрушительного поражения в 1940 году Ким и его оставшиеся

в живых соратники более не могли находиться в Маньчжурии. У них не было большого выбора — пришлось бежать в Советский Союз. Там корейские партизаны стали бойцами Красной армии и прошли в течение следующих лет соответствующую боевую подготовку перед ожидавшейся войной Советского Союза с Японией. Ким стал майором. СССР в итоге вступил в эту войну — в самом конце Второй мировой, летом 1945 года. Но победа была столь быстрой, что у отряда Кима не было ни малейшего шанса принять участие в сражениях. Это, естественно, не мешает северокорейской пропаганде утверждать, что победа — результат деятельности Кима и только его.

* * *

Для знакомства с официальной версией дальнейшей истории страны вы можете посетить Музей основания Трудовой партии Кореи, расположенный недалеко от гостиницы «Корё». Здание музея было штаб-квартирой Ким Ир Сена в первые годы после освобождения от японской оккупации. Оно представляет собой скромное двухэтажное строение, возведенное в начале 1920-х годов, редкий сохранившийся образец японской колониальной архитектуры. Угловатое сооружение венчается куполообразной крышей — уменьшенной копией центральной башни токийского здания парламента Японии. Экспозиция первого этажа музея освещает историю создания Трудовой партии Кореи — руководящей и направляющей силы страны, — а на втором этаже сохранены президентские кабинеты и залы совещаний, в которых, к удивлению, стоят бюсты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, несмотря на то что их образы старательно стирались повсюду в рамках основной пропагандистской линии. Здесь вы узнаете, что сразу же после появления на свет из чрева матери Ким Ир Сен начал работу над проектом создания Трудовой партии Кореи. На самом деле первая в истории Комму-

нистическая партия Кореи была основана в 1925 году в Сеуле — за много километров от тех мест, где жил юноша Ким, не имевший никакого понятия о существовании этой партии, распавшейся тремя годами позже в результате внутренних распрей и давления японской колониальной администрации.

Вам расскажут, что главная доктрина Кима — чучхе — всегда была центром идеологической платформы партии, и это будет очередной выдумкой. На самом деле понятие «чучхе» появилось в словаре северокорейцев только в 1950-х годах и было раздуто до масштаба официальной идеологии в 1970–1980-е годы, причем не Ким Ир Сен и не его сыном, а Хван Чжанъёпом, реальным идеологом Северной Кореи. Еще одна вещь, о которой не расскажет ваш гид по Музею основания Трудовой партии Кореи (скорее всего, из-за того, что он сам об этом ничего не знает), это то, что Ким был членом Коммунистической партии КИТАЯ во время своего пребывания в Маньчжурии.

Официальная дата основания Трудовой партии Кореи — 10 октября 1945 года. На самом деле в этот день было организовано Северокорейское бюро коммунистической партии Кореи, причем организовано советскими властями. Собственно Трудовая партия Кореи появилась только годом позже. Однако эти детали мало что значат, так как Ким Ир Сен, не будучи в те времена официально главой какой-либо организации или партии, уже считался «большим человеком» примерно с февраля 1946 года — меньше чем через полгода после своего возвращения на родину.

«На следующий год, — с воодушевлением в голосе скажет ваш гид, — начались демократические реформы. Потребовался всего один год, чтобы их завершить!»

«Демократические реформы» состояли из ряда процессов, очень хорошо знакомых тем, кто изучал коммунистические режимы. Была проведена земельная реформа,

причем она не была такой кровавой, как в соседнем Китае, хотя многие землевладельцы были вынуждены бежать на юг. Некоторые из них заняли высокие посты в проамериканском полицейском государстве Ли Сын Мана. Главные отрасли промышленности, основы которых заложили японцы, были национализированы. Началось преследование христиан — многих из них убили, остальные смогли бежать из страны.

Всё это происходило при минимальном сопротивлении со стороны населения страны, которое за время японской оккупации отучило от какого-либо участия в политической жизни и которым японцы управляли, как людьми второго сорта. Народ был очарован осуществившейся мечтой о независимости. При этом очень немногие выражали хоть какое-то недовольство серьезным влиянием Советского Союза на молодое государство, потому что Советы рассматривались как союзники, бок о бок с корейцами боровшиеся с ненавистными японцами. Несомненно, основные идеологические послы северокорейского государства были не столько просоветскими, сколько антияпонскими. Как указывает историк Брюс Камингз, любые официальные версии тех событий начинаются с упоминания ужасных страданий корейского народа под жестоким гнетом японцев (причем стремление к угнетению описывается как японская национальная черта) и включают в себя описание антияпонского восстания во главе с Ким Ир Сенем. «Всё это вбивает в голову каждого северного корейца старшее поколение, уверенное в том, что любой, кто младше них, просто не в состоянии почувствовать, что это значит — бороться с японцами в 1930-х или с американцами в 1950-х», — пишет Камингз.

Впервые корейцы смогли почувствовать, что значит в современном мире быть частью суверенного народа со своими собственными языком, историей, культурой —

а теперь еще и со своим правительством. Первый съезд Трудовой партии Кореи состоялся 28–30 августа 1946 года. Именно эти даты можно считать днями реального основания партии, моментом объединения ранее разрозненных мелких прокоммунистических организаций, действовавших в Северной Корее, в единую партию. Можно выделить четыре основные фракции корейских коммунистов, которые Советы «импортировали» на Север: ранее жившие в Маньчжурии эмигранты, советские корейцы, южнокорейские коммунисты из Сеула и, наконец, партизанские отряды Ким Ир Сена. Со временем члены первых трех фракций начали возражать против возникшего культа личности Ким Ир Сена и его ошибочного экономического курса. Неудивительно, что вскоре они пострадали в результате политических «чисток», и у руля остались только бывшие товарищи Кима по партизанской борьбе, что и стало предпосылкой для возникновения единой идеологической системы фанатичного поклонения семье Кима.

9 сентября 1948 года — официальная дата создания Корейской Народно-Демократической Республики, главой и центром которой стала Трудовая партия Кореи. Это положило конец работе временного правительства; советские войска и администрация покинули страну, передав всю полноту власти Трудовой партии Кореи. Бросается в глаза, что никаких упоминаний о советском присутствии в первые дни существования КНДР в экспозиции музея нет. Всё, что хоть как-то связано с иностранным влиянием, как, например, факт членства Кима в Компартии Китая, подчистую стерто из официальной истории страны. Нет ни единого упоминания о фракционной борьбе и внутренних разногласиях. Что осталось — так это, как и в других подобного рода музеях, занудное восхваление гениального вдохновителя «всех наших побед», который абсолютно всё сделал в одиночку, — Ким Ир Сена.